

12+
Ник Нил

Вокруг света за рулем

Ник Нил

Вокруг света за рулем

<https://litres.ru/74589959>

ISBN 9785007142298

Аннотация

Что, если бросить всё и отправиться покорять дороги мира? Именно так и поступает героиня книги — в один день она садится за руль и уезжает навстречу неизвестности. Её цель — объехать весь земной шар, не привязываясь к чёткому маршруту, а следуя зову сердца и капризам судьбы.

Это история о современной кругосветке, где вместо парусника или воздушного шара главным средством передвижения становится автомобиль. Путешествие превращается в глубокое исследование себя и окружающего мира.

Содержание

Глава 1. Первый километр	8
Глава 2. Туман над Альпами	13
Глава 3. Город на воде	17
Глава 4. Пески Сахары и огни Марракеша	20
Глава 5. Тропические дороги Коста-Рики	24
Глава 8. Сады Киото и тишина рёкана	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вокруг света за рулем

Ник Нил

© Ник Нил, 2026

ISBN 978-5-0071-4229-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ник Нил

Вокруг света за рулем

Предисловие

Она не собиралась становиться легендой. Она просто хотела услышать, как мир звучит не через экран, не в пересказах друзей и не в глянцевых путеводителях, а вживую — с шорохом шин по асфальту, с ветром, который бьёт в открытое окно, с тишиной, которая наступает, когда город остаётся позади, и впереди — только дорога.

Её звали Марина. Ей было тридцать два. В её жизни не было ничего героического: обычная квартира, обычный офис, обычные вечера, когда усталость накатывала раньше, чем успевали закончиться сериалы. Но в один день она поняла, что «обычное» стало синонимом «пустого». На столе лежала стопка отчётов, на экране мигал календарь с напомина-

ниями, а внутри — тишина, в которой не было слышно её собственного голоса. Тогда она купила старую, но крепкую машину — не новую, не блестящую, а с характером, с царапинами, которые рассказывали о чужих путешествиях. И решила: если нельзя изменить время, можно изменить пространство.

Марина выбрала маршрут, который казался безумием: вокруг света на автомобиле. Не на яхте, не на самолёте, а именно на машине — чтобы чувствовать каждую неровность дороги, чтобы видеть, как меняется небо над горизонтом, чтобы замечать, как одни запахи сменяются другими: от горячего асфальта до солёного ветра, от пряных специй до морозного воздуха. Она хотела не просто пересечь границы, а прожить их — почувствовать, как меняется ритм жизни, как люди улыбаются по-разному, как тишина в разных местах звучит по-своему.

Первые дни были самыми трудными. Не из-за дорог, а из-за себя. Каждый поворот казался ошибкой, каждый незнакомый город — ловушкой. Марина ловила себя на мысли, что вот-вот развернётся и поедет назад, туда, где всё понятно и привычно. Но потом она замечала что-то маленькое: старушку, которая продавала цветы у обочины, ребёнка, который махал ей рукой, запах свежего хлеба из пекарни, которую она случайно нашла, свернув не туда. И эти мелочи, как крошечные якоря, удерживали её на дороге.

Постепенно страх уступал место любопытству. Марина

училась читать мир как книгу: по вывескам, по лицам прохожих, по тому, как солнце ложится на крыши домов. Она вела дневник, но не для того, чтобы потом написать книгу, а чтобы не забыть, как пахло море в тот день, когда она впервые увидела его не с картинки, а вживую. Она записывала не только события, но и ощущения: как дрожали руки, когда она въезжала в незнакомый город, как замирало сердце, когда перед ней открывался вид, от которого хотелось плакать.

Путешествие Марины было не только географическим, но и внутренним. С каждым километром она узнавала себя заново. Она училась просить о помощи, когда не могла разобраться в карте, училась принимать доброту незнакомцев, училась видеть красоту в несовершенстве — в разбитых дорогах, в старых домах, в усталых лицах людей, которые продолжали улыбаться, несмотря ни на что. Она поняла, что мир не делится на «красивое» и «некрасивое», а состоит из оттенков, из историй, из мгновений, которые складываются в большую картину.

Маршрут был продуман, но не до конца. Марина оставляла место для случайностей, потому что именно они, как она поняла, и делают путешествие настоящим. Она не боялась заблудиться, потому что знала: даже если она свернёт не туда, это тоже будет частью её истории. И каждый раз, когда стрелка спидометра показывала новые цифры, она чувствовала, как внутри что-то меняется — словно с каждым километром она становилась чуть свободнее, чуть сильнее, чуть

ближе к той себе, которую давно искала.

Это история не о покорении мира, а о встрече с ним. О том, как одна женщина решила услышать мир без фильтров и как мир ответил ей тысячей голосов — шумом прибоя, криком чаек, смехом детей, шёпотом ветра в горах, разговорами случайных попутчиков. Это история о том, что иногда самое важное путешествие начинается не с билета, а с мысли: «А что, если попробовать?»

И вот она сидит за рулём, смотрит на дорогу, которая уходит за горизонт, и улыбается. Потому что знает: впереди — целый мир. И он ждёт.

Глава 1. Первый километр

Марина долго стояла у машины, не решаясь захлопнуть дверь гаража. Всё казалось слишком серьёзным, чтобы делать это буднично: вот она просто щёлкнет замком, выйдет, сядет за руль — и всё, точка невозврата. Поэтому она тянула время, проверяя мелочи, которые уже сто раз проверила: давление в шинах, уровень масла, содержимое багажника. В багажнике лежали вещи, собранные будто для трёх разных поездок: палатка и спальник — на случай, если негде будет остановиться; стопка бумажных карт — потому что интернет не везде ловит; аптечка, фонарик, термос, запас воды, несколько банок консервов, пачка печенья и три свёртка с одеждой, каждый подписан маркером: «холодно», «дождь», «жара».

Рядом на пассажирском сиденье лежала папка с документами: паспорт, страховка, международные права, распечатанные подтверждения бронирований на первые несколько дней, и ещё одна тонкая папка — с выписками и справками. Марина не любила думать об этом, но знала: если что-то случится, эти бумаги могут пригодиться. Она старалась не смотреть на эту папку, чтобы не напоминать себе о том, что мир не всегда дружелюбен.

Когда дверь гаража наконец закрылась с глухим стуком, звук показался ей слишком громким, будто объявлял всему

району: «Она уезжает». Марина села за руль, положила руки на обод, глубоко вдохнула запах салона — смесь старой кожи, кофе и едва уловимого аромата цитруса от ароматизатора, который она повесила на зеркало. Этот запах был её маленьким якорем: он говорил, что это её машина, её пространство, её решение.

Она завела двигатель. Мотор отозвался ровно, уверенно, без надрыва. Это тоже было важно: машина не должна была подвести в первые же минуты. Марина включила передачу, медленно выехала на улицу и остановилась на перекрёстке, прислушиваясь к себе. Сердце билось чуть быстрее обычного, но не панически, а так, как бьётся перед чем-то важным — перед экзаменом, перед свиданием, перед шагом на сцену.

Первый километр был самым странным. Город, который она знала наизусть, вдруг стал чужим. Знакомые улицы, дворы, вывески — всё выглядело так, будто она смотрит на них впервые. Марина ловила себя на том, что улыбается без причины, когда видит что-то обычное: ребёнка на самокате, старушку с сумкой на колёсиках, кота, важно шагающего по забору. Эти маленькие, ничем не примечательные сцены вдруг стали ценными, потому что она знала: впереди будут другие города, другие коты, другие старушки, и этот город останется где-то позади.

На выезде из города она остановилась у придорожного кафе, чтобы выпить кофе и немного унять дрожь в руках. Внутри пахло жареным беконом и свежим хлебом. За стой-

кой стоял парень лет двадцати, с сонными глазами и добрым лицом. Он спросил, куда она едет, и Марина вдруг растерялась. «Вокруг света», — сказала она тихо, будто боялась, что эти слова прозвучат нелепо. Парень не засмеялся. Он просто кивнул и сказал: «Круто. Главное, чтобы машина не подвела». И эта простая фраза почему-то придала ей уверенности.

Выезжая на трассу, Марина почувствовала, как город остаётся позади не только визуально, но и внутри. Шум улиц, суэта, бесконечные списки дел — всё это будто осталось там, а здесь, на трассе, начиналась другая жизнь. Дорога была широкой, прямой, с разметкой, которая уходила вдаль и сливалась с горизонтом. Ветер, врываясь в приоткрытое окно, трепал волосы и приносил запахи: пыль, бензин, трава, нагретый асфальт.

Спустя пару часов она впервые свернула не туда. Карта, которую она так старательно изучала, оказалась чуть устаревшей: дорога, обозначенная как асфальтированная, превратилась в грунтовку, петляющую между полей. Сначала Марина испугалась, что заблудилась, что всё пошло не по плану. Но потом она заметила, как красиво здесь: поля, уходящие к горизонту, небо, огромное и синее, редкие деревья, отбрасывающие длинные тени. Она остановилась, вышла из машины и просто стояла, слушая тишину. Здесь не было городского гула, только ветер, стрекот кузнечиков и далёкий крик какой-то птицы.

Именно в этот момент Марина поняла: путешествие —

это не только про километры и страны. Это про то, как меняется твоё восприятие. Про то, как ты учишься видеть красоту в неожиданных местах, даже если это просто поле и дорога, которой нет на новых картах.

К вечеру она добралась до первого запланированного города. Он был небольшим, уютным, с центральной площадью, где гуляли семьи, и старыми домами с резными наличниками. Марина сняла комнату в гостевом доме, приняла душ, переоделась в сухую одежду и пошла гулять по улицам. Она не ставила себе цель увидеть все достопримечательности. Ей хотелось просто почувствовать город: опробовать местную еду, послушать разговоры прохожих, заметить, как здесь пахнет вечером.

В маленькой пекарне она купила горячую булочку с корицей и ела её, сидя на скамейке у сквера. Мимо проходили люди, кто-то улыбался, кто-то кивал, кто-то просто спешил по своим делам. И в этой обыденности было что-то успокаивающее: мир продолжал жить своей жизнью, и она теперь была частью этого движения.

Вернувшись в комнату, Марина достала свой дневник и начала писать. Не отчёт, не план, а просто слова, которые хотелось сохранить: запах корицы, ощущение ветра на лице, тишину на грунтовой дороге, добрые глаза парня из кафе. Она писала долго, пока не почувствовала, что усталость дня наконец-то берёт своё.

Перед сном Марина выглянула в окно. Город спал, только

редкие фонари отбрасывали тёплый свет на тротуары. Она подумала о том, сколько ещё таких вечеров впереди, сколько городов, дорог, рассветов и закатов. И впервые за долгое время она не чувствовала страха перед будущим. Вместо него было любопытство и лёгкая радость от того, что она решилась.

Засыпая, Марина улыбнулась. Первый день был позади. Первый километр превратился в сотни. А впереди ждало целое путешествие.

Глава 2. Туман над Альпами

Маршрут Марина прокладывала не только по картам, но и по ощущениям. После первого дня, когда дорога сама повела её на забытую грунтовку, она решила: пусть будет место для случайности. Но и совсем без плана нельзя — бензин не бесконечен, а ночи бывают холодными. Так в её блокноте появился примерный путь: из родного города — через Восточную Европу к Альпам, а оттуда — вглубь Западной Европы, к побережью.

Второй день начался с дождя. Он шёл не яростно, а настойчиво, будто хотел проверить, насколько серьёзно её намерение. Капли барабанили по крыше, стекали по стеклу, размывая очертания мира. Марина ехала медленно, вглядываясь в серую пелену, и ловила себя на мысли, что в этом есть своя красота — в приглушённых цветах, в том, как свет фонарей ложится на мокрый асфальт, как фары выхватывают из темноты отдельные фрагменты: мокрый куст, дорожный знак, чей-то силуэт у обочины.

К полудню дождь стих, а дорога пошла вверх. Горы появились не сразу: сначала это были просто холмы, потом склоны стали круче, повороты — острее, а воздух — прозрачнее. Марина открыла окно, чтобы впустить этот новый запах: сырой камень, хвоя, влажная трава и что-то ещё, неуловимое, будто сама высота имела свой аромат.

Она въехала в небольшой альпийский городок под названием Санкт-Мартен. Дома здесь были невысокими, с крутыми крышами, чтобы снег зимой не задерживался. Стены — из тёмного дерева и светлого камня, окна — в резных ставнях. На центральной площади стояла старая церковь с тонкой колокольной, а рядом — кафе с террасой, где даже в пасмурную погоду сидели люди, пили горячий шоколад и смотрели на горы.

Марина остановилась у края площади, вышла из машины и глубоко вдохнула. Здесь было тихо, но не пусто: тишина была наполнена звуками — скрипом деревянных ставен, далёким звоном колокольчика на шее у коровы, шёпотом ветра в кронах елей. Она достала фотоаппарат, сделала несколько кадров, а потом поняла, что хочет не просто запечатлеть, а прожить этот момент.

В кафе к ней под села пожилая женщина в тёплом вязаном кардигане. «Вы издалека?» — спросила она мягко, с лёгким акцентом. Марина кивнула и рассказала про своё путешествие. Женщина не удивилась. «Когда-то мой муж тоже ездил по дорогам, — сказала она, — не вокруг света, но далеко. Он говорил, что горы учат слушать себя. Здесь шум города не достаёт». Они поговорили ещё немного, женщина посоветовала не спешить через перевал, если опустится туман, и рассказала про старую тропу, которая ведёт к смотровой площадке.

После разговора Марина почувствовала, что мир снова

подкидывает ей маленькие подсказки. Она не стала торопиться, а поехала по совету женщины — не по главной дороге, а по узкой, петляющей тропе. Чем выше она поднималась, тем реже встречались дома, а потом и вовсе остались только дорога, деревья и скалы. В какой-то момент туман опустился так низко, что казалось, будто она едет сквозь облако. Стекло покрывалось влагой, дворники работали без остановки, а видимость сократилась до нескольких метров.

Марина остановила машину. Вышла, закрыла дверь и просто стояла, слушая, как тишина поглощает все звуки. Здесь, в этом плотном, молочном тумане, время будто замедлилось. Она потрогала влажный камень у обочины, провела рукой по сырой траве, посмотрела вверх, где небо сливалось с землёй. И вдруг поняла: это тоже часть путешествия — не только яркие виды, но и моменты, когда мир прячется, чтобы ты научился видеть не глазами, а чем-то другим.

Спустившись обратно, Марина нашла гостевой дом с тёплыми комнатами и запахом дров. Хозяйка, молодая девушка с внимательными глазами, рассказала, что туман в горах — частый гость, и не стоит пытаться его обогнать. «Лучше дожждаться утра, — сказала она. — Утром горы сами покажут себя».

Марина согласилась. Вечером она сидела у окна, смотрела, как последние лучи солнца пытаются пробиться сквозь серую пелену, и записывала в дневник не события, а ощущения: холод камня под пальцами, тепло чашки в ладонях, мяг-

кость плеча, который ей дали в комнате. Она думала о том, что путешествие — это не гонка за видами, а умение замечать, как меняется твоё восприятие с каждым новым местом.

Ночью туман не рассеялся, но Марина уже не чувствовала тревоги. Напротив, ей было спокойно. Она уснула, зная, что утром мир снова откроется — по-новому, не так, как вчера. И это было самое ценное: предвкушение того, что впереди ещё столько моментов, которые нельзя запланировать, но можно прожить.

Глава 3. Город на воде

Из Альп Марина поехала на запад, к морю. Дорога петляла между холмами, потом выводила на широкие трассы, а затем снова ныряла в узкие улочки маленьких городков, где машины едва разъезжались. Каждый поворот открывал новый вид: виноградники на склонах, старинные замки на вершинах холмов, поля с подсолнухами, которые поворачивали свои головки вслед за солнцем.

Через несколько дней она въехала в Венецию — город, где не ездят машины. Марина оставила свой автомобиль на парковке за пределами исторического центра и дальше пошла пешком, катя за собой чемодан на колёсиках. Здесь всё было другим: вместо гула моторов — плеск воды, вместо запаха бензина — запах соли и водорослей, вместо асфальта — каменные плиты, по которым эхо разносило каждый шаг.

Первые часы она просто бродила, стараясь не торопиться. Узкие улочки то упирались в тупики, то внезапно выводили к маленьким площадям с кафе и сувенирными лавками. Каналы тянулись во все стороны, как вены города, и по ним скользили гондолы, лодки, катера. Над водой висели бельевые верёвки, а на балконах сушились полотенца и цветы в горшках.

На одной из площадей Марина села за столик уличного кафе и заказала чашку кофе. Пока она ждала заказ, наблюда-

ла за людьми: туристы с картами, местные, которые спешили по своим делам, уличные музыканты, старики, которые сидели на скамейках и смотрели на воду. Она вдруг почувствовала себя одновременно чужой и своей: чужой — потому что не знала этого города, своей — потому что здесь, среди этой суеты и красоты, она тоже имела право быть.

Позже она взяла экскурсию на лодке. Капитан, пожилой мужчина с загорелым лицом и внимательными глазами, рассказывал истории про город: про наводнения, про маски, про то, как Венеция держится на сваях, вбитых в дно лагуны. Марина слушала и думала, что этот город — как её путешествие: он держится не на твёрдой земле, а на чём-то зыбком, но очень важном.

Вечером она нашла небольшую галерею, где выставлялись работы местных художников. Картины были разными: одни — яркие и смелые, другие — приглушённые, почти монохромные, но все они были про воду: отражения, рябь, свет, который ложится на поверхность канала. Одна картина особенно зацепила Марину: на ней был изображён пустой гондольный причал на рассвете, когда город ещё спал, а вода была гладкой, как зеркало.

Вернувшись в свой номер, Марина долго не могла уснуть. Окно выходило на канал, и она слышала, как где-то далеко плещется вода, как скрипят борта лодок, как изредка проезжает моторка. Она открыла дневник и начала писать не про достопримечательности, а про ощущения: про то, как город

меняет твоё чувство времени, как здесь минуты растягиваются, а часы пролетают незаметно.

На следующее утро она снова вышла на улицы. Теперь она не стремилась увидеть всё, а искала моменты, которые хотелось запомнить: старушку, которая кормила голубей, гондольера, который тихо напевал себе под нос, отражение солнца в воде, которое дрожало и рассыпалось на тысячи бликов. Она поняла, что Венеция — это город, который нельзя «собрать» по списку, его можно только прожить, кусочек за кусочком.

Перед отъездом Марина купила маленькую открытку с видом на канал и написала на обороте: «Я была здесь. Не как турист, а как человек, который хотел услышать город». Она не собиралась никому её отправлять — эта фраза была для неё самой.

Сев обратно в машину, Марина почувствовала, как мир снова меняется: каменные мостовые уступили место асфальту, плеск воды — шуму двигателей, а узкие улочки — широким проспектам. Но что-то осталось с ней: умение замечать мелочи, умение останавливаться и слушать, умение быть в моменте. И это, пожалуй, было самым ценным трофеем её путешествия.

Глава 4. Пески Сахары и огни Марракеша

После Венеции Марина не хотела сразу возвращаться в привычный ритм широких трасс и бесконечных указателей. Ей хотелось чего-то, что перевернёт её представление о дороге. Поэтому она выбрала маршрут через юг Европы к Северной Африке: паром из Италии в Тунис, потом — через пустынные земли к Марокко. Дата выезда из Венеции выпала на 12 июля — день, когда жара уже стояла плотная, будто воздух стал гуще и тяжелее.

Паром шёл долго, и Марина почти не спала: ей казалось, что если она закроет глаза, то пропустит момент, когда земля исчезнет за кормой, а впереди останется только море и горизонт. На палубе пахло солью и машинным маслом, ветер был резким, но освежающим. Она смотрела, как город тает в дымке, и чувствовала, как с каждым километром от берега её прошлое становится чуть менее весомым, а будущее — чуть более реальным.

В Тунисе Марина впервые по-настоящему ощутила, как меняется мир. Асфальт здесь был другим — он будто впитывал солнце и отдавал его обратно, обжигая даже сквозь подошву ботинок. Воздух пах пряностями, пылью и жареным хлебом. Она ехала медленно, привыкая к новому ритму: к

гудку клаксонов, к внезапным поворотам, к тому, как люди здесь махали руками, улыбались и предлагали помощь, даже если ты её не просил.

Дорога вела её всё дальше на юг, к границе пустыни. Сначала это были просто сухие холмы, потом — редкие кусты, а затем земля стала ровной, жёлто-коричневой, будто выцветшей от вечного солнца. На подъезде к Сахаре Марина остановилась у небольшой стоянки, где продавали воду, финики и простые шерстяные платки. Местный водитель грузовиков, седой и спокойный, сказал ей: «В пустыне нельзя топиться. Пустыня не любит спешки». Марина запомнила эти слова и решила ехать не по навигатору, а по солнцу и по советам тех, кто знал эти места.

Она провела ночь в палатке, которую достала из багажника. Звёздное небо здесь было таким ярким, что казалось, будто оно опустилось ниже обычного и касается земли. Тишина была не пустой, а густой, наполненной шорохами ночи и далёкими голосами ветра. Утром песок уже не казался враждебным — он стал частью её дороги, ещё одной страницей, которую нужно было прочитать.

К вечеру третьего дня после въезда в пустыню Марина добралась до границы Марокко. Дорога становилась всё оживлённее, а цвета — ярче. И вот, наконец, перед ней открылся Марракеш — город, который будто собрал в себе все оттенки красного: от терракоты стен до тёмно-бордовых тканей на рынках. Дата въезда в город — 19 июля.

Марина оставила машину на охраняемой стоянке и пошла пешком, чтобы почувствовать город кожей. Узкие улочки старого города — Медины — были полны звуков: крики торговцев, стук молотков, смех детей, звон посуды. Запахи кружились вокруг, как вихрь: корица, шафран, жареные орехи, свежая мята. Она шла, не пытаясь всё успеть, просто позволяя городу вести себя.

На площади Джемаа-эль-Фна она остановилась, чтобы послушать уличных рассказчиков. Один старик в высокой шапке говорил на смеси языков, но смысл был понятен без слов: он рассказывал о караванах, о ветрах, о том, как пустыня учит терпению. Рядом жарили кебабы, музыканты били в барабаны, а в воздухе висел густой аромат специй.

Вечером Марина нашла небольшую риладу — традиционный дом с внутренним двориком, где в центре журчал фонтан. В комнате пахло лавандой и воском. Она села у окна, смотрела, как зажигаются фонари, и думала о том, что этот город не пытается понравиться — он просто существует, и этого достаточно.

Перед сном она вышла во двор. Вода в фонтане тихо шептала что-то своё, а звёзды здесь казались ближе, чем в Венеции или в Альпах. Марина достала дневник и написала не про даты и километры, а про то, как меняется её внутренний компас: раньше она искала ориентиры вовне — карты, расписания, отзывы, а теперь училась слушать себя.

Наутро она не спешила уезжать. Сначала выпила мятный

чай с хозяином риады, слушала его истории про караванные пути и старые рынки. Потом снова пошла гулять, на этот раз — в сады Менара. Огромные пальмы, прохладная тень, вид на Атласские горы вдали — всё это будто замедляло время. Марина сидела на скамейке, смотрела на горизонт и понимала, что путешествие — это не только про то, куда ты едешь, а про то, кем ты становишься по дороге.

Когда пришло время возвращаться к машине, она не чувствовала спешки. Теперь дорога снова звала, но уже не как испытание, а как продолжение разговора с миром. Марина знала: впереди ещё много дорог, но каждая из них будет другой, потому что и она сама теперь была другой.

Глава 5. Тропические дороги Коста-Рики

Из Марракеша Марина поехала не дальше по Африке, а обратно к морю, чтобы сесть на рейс до Центральной Америки. Перелёт был долгим, и большую часть времени она смотрела в иллюминатор, пытаясь угадать, как выглядит земля внизу. Дата вылета из Марокко — 23 июля, дата приземления в Сан-Хосе — 24 июля. Когда шасси коснулись полосы, Марина почувствовала, как снова меняется воздух: он стал влажным, тяжёлым, насыщенным ароматами зелени и дождя.

В аэропорту она забрала арендованную машину — не ту, на которой ехала вокруг света, а другую, более приспособленную к местным дорогам: высокий клиренс, мощный мотор, запас прочности. Ей объяснили, что здесь дороги — это не просто асфальт, а испытание: крутые спуски, размытые ливнями участки, внезапные реки, которые появляются после дождя и исчезают через час.

Первые дни в Коста-Рике Марина привыкала к ритму тропиков. Здесь время будто текло иначе: утро начиналось с крика птиц, день растворялся в жаре и ливнях, а вечер приносил прохладу и запах мокрой земли. Она ехала не спеша, останавливаясь у смотровых площадок, чтобы посмотреть на

вулканы, которые дышали, как живые существа, и на долины, покрытые зелёным ковром джунглей.

Однажды она свернула на грунтовую дорогу, которая вела к небольшому водопаду. Тропа была скользкой, а воздух — густым от влажности. Марина шла медленно, прислушиваясь к звукам: к шуму воды, к крикам обезьян, к шелесту листьев. У водопада она остановилась и просто стояла, позволяя брызгам оседать на коже. Здесь не было толп туристов, только она, вода и лес.

По вечерам она останавливалась в маленьких гостевых домах, где хозяева угощали её свежими фруктами и рассказывали истории про вулканы и морских черепах. Однажды её позвали на ночной выезд к океану: в это время года черепахи приходили на берег, чтобы отложить яйца. Марина шла по тёмному пляжу, слушая, как волны шепчут что-то на своём языке, и смотрела, как черепаха медленно ползёт по песку, оставляя за собой глубокие борозды.

Этот момент стал для неё особенным. В нём было столько тишины и величия, что все её тревоги и сомнения показались мелкими и незначительными. Она поняла, что мир полон чудес, которые не попадают в путеводители, но именно они остаются в памяти навсегда.

Через неделю Марина поехала дальше, вдоль побережья, к национальным паркам. Дороги здесь петляли между холмами, а с обочин свисали лианы, будто природа хотела обнять каждую проезжающую машину. Она останавливалась у

смотровых площадок, смотрела на океан, который сливался с небом, и думала, что эта дорога — не просто путь из точки А в точку Б, а способ заново научиться видеть.

В один из дней она попала под тропический ливень. Машина остановилась на обочине, дворники работали на пределе, а за стеклом мир превратился в серую завесу. Марина не торопилась ехать дальше. Она сидела, слушала, как дождь стучит по крыше, и улыбалась. В этом шуме было что-то успокаивающее: он смывал лишнее, оставлял только настоящее.

К концу второй недели в Коста-Рике Марина почувствовала, что её путешествие меняется. Раньше она стремилась проехать как можно больше, увидеть как можно больше мест, а теперь ей хотелось не количества, а глубины: чтобы каждый город, каждая дорога, каждый момент оставляли в ней что-то важное.

Дата отъезда из Коста-Рики — 7 августа.

Она знала, что впереди ещё много дорог, но теперь ехала не только ради новых видов, а ради того, чтобы понять, как эти виды меняют её саму.

Глава 6. Ледяные дороги Патагонии и тайна заброшенной станции

Дата вылета из Коста-Рики — 7 августа.

Дата прибытия в Буэнос-Айрес — 8 августа.

Марина не стала задерживаться в столице: её тянуло туда, где земля будто проверяла человека на прочность. Она арен-

довала внедорожник, специально подготовленный для суровых дорог: с лебёдкой, запасными канистрами, усиленной подвеской и тёплым спальным мешком в багажнике. Маршрут лежал на юг, в Патагонию — в край ветров, ледников и дорог, которые то появлялись, то исчезали под снегом.

Первые дни пути были почти спокойными. Марина ехала по широким трассам, где горизонт сливался с небом, а ветер пытался сдвинуть машину с полосы. Она привыкала к этому напору: здесь природа не просила разрешения, она просто заявляла о себе. По обочинам бродили гуанако, а вдалеке, на фоне серого неба, белели шапки далёких гор.

К 12 августа дорога стала хуже: асфальт сменился гравием, потом — грунтовкой, а потом и вовсе тропой, которую можно было угадать только по редким вешкам. Навигатор терял сигнал, и Марина всё чаще сверялась с бумажной картой и компасом. В одном из придорожных кафе пожилой дальнобойщик, помешивая ложкой остывший кофе, сказал ей: «Дальше будет хуже. Там, где кончается асфальт, начинается настоящая дорога». Марина улыбнулась и спросила: «А что там, за перевалом?» Он пожал плечами: «Говорят, старая метеостанция. Её давно бросили. Но кто-то до сих пор оставляет там записки в жестяной банке у двери. Будто станция ждёт, что кто-нибудь вернётся».

Эти слова засели в голове. Марина решила: если дорога позволит, она доедет до этой станции. Не ради славы, а ради того, чтобы увидеть место, где время будто остановилось.

13 августа начался снегопад. Он не был красивым, как на открытках: это был колючий, злой снег, который летел почти горизонтально и скрипел под колёсами. Видимость упала до нескольких метров, а температура стремительно ползла вниз. Марина остановилась, чтобы надеть тёплую куртку, перчатки и шарф. В этот момент она впервые по-настоящему испугалась: не за себя, а за то, что машина может встать, а помощи ждать неоткуда.

Она поехала дальше, но медленнее, почти на ощупь. Каждые двадцать минут она делала короткие остановки, чтобы проверить, не забились ли вентиляционные решётки снегом, не примерзли ли тормозные колодки. В одной из таких остановок она услышала странный звук — не ветер, не треск льда, а будто металлический удар где-то впереди. Сердце забилось быстрее: она не знала, что это, и не хотела гадать.

Через час она увидела станцию. Это было низкое, приземистое здание из потемневшего дерева и проржавевшего металла, наполовину занесённое снегом. Рядом стояла покосившаяся вышка, а у входа лежала жестяная банка, о которой говорил дальнобойщик. Марина заглушила мотор и вышла. Ветер тут же попытался сорвать с неё шарф, а холод пробрался под куртку. Она подошла к двери, потянула за ручку — дверь скрипнула, но открылась.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то кислым. На столе лежала стопка пожелтевших бумаг, на стене висела карта, покрытая слоем пыли. На полке стояли пустые банки,

а на подоконнике — ржавый компас. В углу лежал спальный мешок, такой старый, что казалось, он рассыпается от одного прикосновения. И на самом видном месте, прямо на столе, лежала тетрадь в потрёпанной обложке.

Марина открыла её. Страницы были исписаны неровным почерком: кто-то записывал даты, температуру, силу ветра, а между строками — короткие фразы: «Сегодня ветер был злее обычного», «Никто не приедет», «Если ты читаешь это — ты добрался». На последней странице было написано: «Оставь что-нибудь. Пусть станция знает, что она не одна».

Марина достала свой дневник и написала: «Я здесь. Ветер правда злой. Но я не одна — я с дорогой». Потом положила рядом маленькую жестяную коробочку с сувенирной монетой, которую везла с собой с самого начала путешествия. Ей показалось важным оставить что-то материальное, как знак: я была, я видела, я не забыла.

Когда она вышла, метель уже почти стихла. Небо прояснилось, и сквозь разрывы облаков пробился холодный свет. Марина посмотрела на станцию, на следы своих ботинок на снегу, на жестяную банку у двери — и вдруг почувствовала, что эта заброшенность не про пустоту, а про ожидание. Про то, что мир хранит места, где можно остановиться и услышать себя.

Обратный путь был спокойнее. Снег больше не валил стеной, а ветер стал тише, будто тоже устал. Марина ехала медленно, но уже без страха. Она знала: если что-то случится, у

неё есть план, есть припасы, есть навыки, которые она успела наработать за эти месяцы. И ещё у неё было что-то важнее — уверенность, что она справится.

Вечером она остановилась на турбазе у подножия холма. Хозяйка, женщина лет пятидесяти с тёплыми руками и внимательными глазами, налила ей горячего чая и молча слушала, пока Марина рассказывала про станцию. Когда рассказ закончился, хозяйка кивнула и сказала: «В Патагонии места не бывают просто пустыми. Они ждут своего часа. И своего человека».

Марина улыбнулась. Она поняла, что это путешествие уже давно перестало быть гонкой за километрами. Теперь это был разговор с миром — иногда тихий, иногда громкий, а иногда и вовсе без слов, когда достаточно просто стоять на ветру и смотреть, как снег ложится на землю.

Глава 7. Рассветы на Бали и дом на сваях

Дата вылета из Буэнос-Айреса — 15 августа.

Дата прибытия в Денпасар — 16 августа.

Перелёт был долгим, и Марина почти не спала: ей хотелось не пропустить тот момент, когда ледяной ветер Патагонии окончательно сменится влажным теплом тропиков. Когда самолёт пошёл на снижение, она прильнула к иллюминатору и смотрела, как внизу разворачиваются зелёные лоскуты рисовых террас, изрезанные тонкими линиями каналов, а вдалеке синее море.

В аэропорту Марина сразу почувствовала, как воздух об-

нимает её: он был не просто тёплым — он был живым, насыщенным ароматами цветов, влажной земли и солёного ветра. Она взяла в аренду лёгкий байк — на острове машина казалась слишком громоздкой, а дорога хотела быть ближе. Маршрут она не планировала детально: просто открыла карту и ткнула пальцем в Убуд, потому что там, по слухам, рисовые поля поют на рассвете.

Первые дни на Бали были про привыкание к новому ритму. Здесь утро начиналось не с кофе и новостей, а с пения птиц и звона колокольчиков у храмов. Марина сняла комнату в доме на сваях — старом, но уютном, с крышей из пальмовых листьев и верандой, откуда по утрам было видно, как туман стелется по долинам. Хозяйка дома, женщина по имени Нита, каждое утро приносила ей тарелку фруктов: спелый манго, папайю, маленькие бананы, и говорила: «Здесь не нужно спешить. Здесь нужно дышать».

Быт на острове оказался удивительно простым и в то же время наполненным смыслом. Каждое утро начиналось одинаково: Марина выходила на веранду, садилась на ступеньки и смотрела, как солнце медленно вытягивает тени из-под деревьев. Потом она шла на рынок — не за покупками, а за атмосферой: за криками торговцев, за запахом жареных специй, за улыбками детей, которые бежали мимо, держа в руках связки банановых листьев. Она покупала немного: пучок свежей кинзы, пару лаймов, корзинку крошечных баклажанов — и относила всё это на кухню дома, где Нита учила её

готовить простые блюда: жарить овощи на кокосовом масле, смешивать чили, чеснок и лайм в пасту, добавлять щепотку куркумы, чтобы еда становилась не только вкусной, но и «тёплой».

Однажды Нита предложила: «Хочешь увидеть рассвет там, где его видят фермеры?» Марина кивнула, даже не раздумывая. Они выехали ещё затемно, на двух байках, по узким просёлочным дорогам, где по обочинам росли высокие бамбуковые рощи, а в канавах тихо журчала вода. К рассвету они добрались до рисовых террас Тегаллаланг. Марина остановилась, заглушила мотор и просто стояла, слушая, как просыпается земля. Первые лучи солнца легли на воду в каналах, окрасив её в розово-золотые тона, а рисовые листья заблестели, будто покрытые тонким слоем росы-алмаза. Внизу, между террасами, шли фермеры: они несли корзины, тихо переговаривались, иногда смеялись. Это был не туристический рассвет — это был настоящий, рабочий, живой.

После рассвета они поехали дальше, вглубь острова, к водопаду Тукад-Чепунг. Дорога петляла между скал, а потом резко обрывалась у тропинки, которая вела вниз по ступеням, вырубленным прямо в камне. Внизу было прохладно и влажно, воздух звенел от шума падающей воды. Марина стояла у края площадки, чувствуя, как брызги оседают на коже, и думала, что красота здесь не в открыточных видах, а в том, как природа напоминает: ты — часть чего-то большего.

Вечером Нита позвала Марину в семейный круг: на ве-

ранде расстелили циновки, поставили тарелки с едой, зажгли свечи. Ели руками, как это принято у многих местных семей: брали рис, смешивали его с овощами и соусом, и каждый кусочек был маленьким ритуалом. Говорили негромко, о простых вещах: о том, как прошёл день, о погоде, о том, что завтра нужно починить крышу. Марина чувствовала, как уходит напряжение, накопленное за месяцы дорог. Здесь не нужно было ничего доказывать, не нужно было никуда спешить. Здесь достаточно было просто быть.

Перед сном она вышла к небольшому пруду за домом. Вода была тёмной, почти чёрной, и в ней отражались звёзды. Марина села на край деревянного мостика, опустила пальцы в воду и улыбнулась. Она вдруг поняла, что это и есть её главная находка в путешествии: не километры и не страны, а умение останавливаться и замечать, как мир раскрывается в мелочах — в запахе кинзы на кухне, в тёплом взгляде хозяйки, в каплях росы на рисовых листьях.

На следующий день Марина решила не уезжать. Она осталась ещё на несколько дней, помогая Ните по хозяйству: собирала фрукты в саду, чистила овощи, училась плести корзины из пальмовых листьев. Это был странный, но очень нужный ей покой — не пустота, а наполненность простыми делами. И когда пришло время снова садиться на байк и ехать дальше, она уезжала не с чувством, что оставляет что-то позади, а с ощущением, что забирает с собой.

Дата отъезда с Бали — 23 августа.

В её дневнике теперь было не только описание дорог и городов. Там появились рецепты, имена людей, запахи, звуки и моменты. И ещё там было написано:

«Иногда самое большое приключение — это позволить себе остановиться».

Глава 8. Сады Киото и тишина рёкана

Дата вылета с Бали — 23 августа.

Дата прибытия в Осаку — 24 августа.

Уже к полудню Марина на синкансэне мчалась в Киото. Она специально не стала брать отель в центре: хотела не городской суеты, а тишины, в которой слышно, как падает лепесток. Поэтому выбрала рёкан — традиционную японскую гостиницу — в тихом районе Арасияма, среди бамбуковых рощ и старых садов. Дата заселения — 24 августа.

Номер оказался совсем не таким, как она привыкла. Никаких огромных телевизоров и глянцевых поверхностей: пол — из светлого татами, стены — раздвижные перегородки из рисовой бумаги, сквозь которые мягко просачивался свет. В нише токонома стояла простая ваза с одной веткой клёна и свиток с каллиграфией. Окно выходило в крошечный, но идеально продуманный сад: каменный фонарь, мох, плоский камень вместо скамейки и крошечный водопад, который шептал что-то своё, негромкое и вечное.

Марина сначала чувствовала себя неловко: всё казалось слишком хрупким, будто одно неверное движение нарушит эту тишину. Но уже через час она поняла, что номер устроен так, чтобы человек в нём не мешал себе же. У двери стояли

тапочки для комнаты и отдельная пара для ванной зоны. В шкафу висело юката — лёгкое хлопковое кимоно, простое, но удивительно удобное. Рядом лежала карточка с инструкцией: «Пожалуйста, наденьте юката после ванны».

Ванная была отдельным маленьким миром. Не душевая кабина, а просторная комната с низкой скамейкой, тазиком и краном. Сначала нужно было сесть, ополоснуться с ковшиком, и только потом — в саму ванну, глубокую и горячую. На полке стояли крошечные флаконы: шампунь, кондиционер, гель для душа — всё с лаконичными этикетками и запахом зелёного чая и цитруса юдзу. Марина долго смывала с себя пыль дорог, слушая, как снаружи шуршит бамбук и где-то далеко звонит колокол храма.

Стирку она устроила почти случайно. В углу номера нашёлся мини-шкафчик с корзинкой и пакетиком стирального порошка в крошечных порционных саше. На карточке было написано: «Если нужно постирать небольшое количество вещей, используйте стиральную машину на этаже. Пожалуйста, не стирайте вечером — это время для отдыха других гостей». Марина собрала пару футболок, носки, лёгкий шарф и спустилась по деревянной лестнице на первый этаж. Стиральная машина стояла в отдельной комнате с табличкой «Только для гостей». Всё было до смешного просто: засыпала порошок, нажала кнопку, поставила таймер. Пока вещи крутились, она посидела на скамейке у входа, глядя, как сумерки ложатся на сад. Через сорок минут она развесила всё

на складной сушилке в номере, и уже к утру ткань пахла не пылью дорог, а дождём и листьями — будто сама гостиница отдала вещам свой запах.

Завтрак принесли прямо в номер — на низком столике, ровно в 7:30. Это был не шведский стол, а тщательно собранный набор: миска мисо-супа с водорослями и тофу, маленькая порция риса, маринованные овощи, кусочек запечённого лосося, яйцо всмятку и крошечная чашечка зелёного чая. Всё умещалось на ладони, но насыщало не хуже плотного обеда. Марина ела медленно, палочками, стараясь не спешить. Ей нравилось, что здесь не принято торопиться с едой: каждый кусочек был маленьким ритуалом.

В тот же день она пошла в сады Сансуиэн — не ради фотографий, а ради того, чтобы научиться видеть по-японски. Сад был устроен так, что ты не мог охватить его целиком: за каждым поворотом открывался новый вид, будто специально созданный для того, чтобы ты остановился. Марина шла по гравийной дорожке, прислушиваясь к хрусту под подошвами. В одном месте гравий был разровнен граблями в волны, в другом — оставлял отпечатки её шагов, и это казалось важным: сад не прятал её присутствие, он его принимал.

На обед она зашла в маленькое кафе неподалёку. Взяла кацудон — свиную котлету в хрустящей панировке поверх риса. К нему подали пиалу мисо-супа и маринованный имбирь. Марина сидела у окна, смотрела, как по улице едут велосипеды, как старушка в фартуке поливает цветы у входа,

и думала, что счастье — это когда ты можешь просто сидеть и есть горячую еду, и никто не ждёт от тебя ничего, кроме того, чтобы ты её съела.

После обеда она дошла до бамбуковой рощи. Ветер проходил сквозь стебли, и они пели — тонко, почти неслышно, но если остановиться и закрыть глаза, этот звук заполнял всё. Марина стояла, чувствуя, как уходит напряжение, копившееся месяцами. Здесь не нужно было никуда ехать, не нужно было ничего доказывать. Достаточно было просто стоять и слушать.

Вечером в рёкане ей предложили ужин в общей комнате или в номере. Марина выбрала номер: ей хотелось тишины. Ужин принесли на подносе: сашими из свежего тунца, мисо-суп, тёплый тофу с соевым соусом и кунжутом, овощи на гриле, рис и зелёный чай. Всё было простым, но вкус каждого ингредиента чувствовался отдельно: сладость моркови, хруст дайкона, нежность рыбы. После ужина она надела юката, вышла в сад и посидела на плоском камне, слушая, как затихает день.

Перед сном она снова зашла в ванную. На этот раз не для долгой ванны, а чтобы умыться и ополоснуть лицо прохладной водой. На полке стоял маленький набор: очищающее молочко, тоник и крем — всё в крошечных баночках, без лишних надписей. Марина нанесла всё по порядку, чувствуя, как кожа становится спокойнее, а мысли — тише.

Ночью она проснулась от тишины. Не от отсутствия зву-

ков, а от их правильной расстановки: далёкий крик ночной птицы, шорох ветра, тихий стук капель в маленьком водопаде. Она подошла к окну, раздвинула перегородку и посмотрела на сад. Луна лежала на мхе, как серебряная монета. Марина улыбнулась и подумала: «Вот оно. То, ради чего стоило ехать через полмира. Не ради больших открытий, а ради маленьких моментов, когда мир становится понятным».

Глава 9. Токио: огни, небоскрёбы и тайна старого письма

Дата прибытия в Токио — 24 августа.

Но Марина не осталась в рёкане до вечера: ей хотелось увидеть город не в путеводике, а вживую — услышать, как он дышит, как шепчет и как кричит. Она выбрала отель в районе Синдзюку: не ради роскоши, а ради вида. Номер был небольшим, но в нём было главное — огромное окно, из которого казалось, что ты стоишь прямо посреди города. Внизу тянулись бесконечные ленты дорог, над ними висели неоновые вывески, а чуть дальше — башни, будто пронзающие небо.

Быт в мегаполисе оказался совсем другим, чем в рёкане. Здесь не было татами и бумажных перегородок — зато были продуманные мелочи: в шкафу — аккуратные саше с шампунем и кондиционером, на полке — набор для чая, а в углу — складная сушилка для вещей. Марина развесила на ней футболку и шарф, которые постирала в прачечной на этаже. Всё было по инструкции: порошок в порционном пакетике,

таймер на сорок минут, тишина в коридоре, чтобы не мешать соседям. Пока вещи крутились, она стояла у автомата с напитками, выбирала между горячим кофе и чаем с юдзу, а потом всё равно взяла оба.

Утром Марина вышла на улицу, когда город уже гудел. Она шла по узким переулкам, где между домами висели провода и крошечные вывески, и вдруг поняла: Токио не пытается быть красивым — он пытается быть настоящим. В одном из переулков она нашла маленькую закусочную, где пахло соевым соусом и жареным луком. Там она впервые попробовала настоящий рамен: густой, пряный бульон, упругая лапша, ломтик чашу, яйцо всмятку, зелёный лук. И, следуя совету из путеводителя, не стеснялась втягивать лапшу с громким звуком — хозяин заведения улыбнулся и кивнул: «Значит, вкусно».

После завтрака Марина поехала в Асакусу. Ей хотелось контраста: от неоновых джунглей — к тишине храма. У ворот Каминаримон она остановилась, подняла голову и смотрела, как огромный красный фонарь будто держит на себе весь город. За воротами тянулась улица Накамисэ-дори — шумная, яркая, полная запахов и звуков. Марина купила маленький амулет на удачу, пакетик жареных бобов и сладкую тайяки в форме рыбки. Тайяки она съела прямо у лотка, обжигая пальцы: внутри была густая паста из красной фасоли, сладкая и чуть солоноватая.

В храме Сэнсо-дзи было тихо. Не так, как в саду Киото, —

здесь тишина была другой: она не приглашала к размышлениям, а просто давала передышку. Марина стояла у курильницы, вдыхала дым благовоний и чувствовала, как уходит напряжение, скопившееся за дни дороги.

А потом случилось то, что изменило день. В сувенирной лавке у выхода она заметила на полке старую открытку с видом Токио 1960-х годов. На обороте было письмо, написанное аккуратным почерком: «Если ты читаешь это, значит, ты здесь, где когда-то был я. Не спеши. Смотри. Город меняется, но его сердце остаётся прежним». Марина купила открытку, положила в дневник и подумала, что иногда случайная находка говорит с тобой громче любых путеводителей.

Во второй половине дня она поднялась на смотровую площадку в одном из небоскрёбов. Отсюда Токио казался не городом, а океаном света: волны неоновых огней, линии дорог, мерцание окон. Она смотрела вниз и думала, что этот город умеет быть разным: шумным и тихим, ярким и сдержанным, чужим и вдруг — своим.

На ужин Марина пошла в идзакая — небольшой паб в переулке, где за стойкой сидели местные и тихо разговаривали. Она заказала якитори — куриные шашлычки на шпажках, глазированные сладким соевым соусом. К ним подали пиалу мисо-супа и маринованный имбирь. Рядом сидел мужчина лет пятидесяти, который, заметив её растерянность, подсказал: «Попробуй сначала якитори, потом — немного имбиря. Он освежает вкус». Марина так и сделала, и поняла, что в

этом и есть магия города: он не просто кормит, он учит есть.

Вечером она вернулась в отель, села у окна и смотрела, как зажигаются огни. Она достала дневник и написала: «Токио не нужно понимать. Его нужно чувствовать. Как ветер, который дует то с одной стороны, то с другой, но всегда остаётся ветром».

Про финансы

Марина подошла к поездке прагматично. Перед вылетом она составила детальный бюджет: заложила деньги на перелёт, жильё, еду и активности. Чтобы не тратить лишнего, она пользовалась проездными (например, JR Pass для поездов) и искала бесплатные или недорогие активности — вроде тех же горных троп, где не нужно покупать дорогой ски-пасс, если идёшь пешком. В магазинах она внимательно смотрела на ценники и часто выбирала комбо-наборы или перекусы в комбини (мини-маркетах), чтобы сэкономить. А ещё у неё был отдельный «резерв» на непредвиденное — вдруг понадобится такси в глуши или экстренная покупка снаряжения для трека.

Про визу

С визой у Марины тоже была своя история. Она знала, что для россиян виза в Японию обязательна, и начала готовиться заранее. За пару месяцев до поездки она собрала документы: загранпаспорт, анкету (заполнила на английском), фото, подтвердила маршрут (бронь отелей, билеты) и финансовую состоятельность (выписка из банка). Интересно, что она чуть

не ошиблась: сначала хотела приложить бронь отеля, но потом вспомнила, что по новым правилам это не всегда обязательно. В итоге она подала документы в визовый центр, и визу одобрили — однократную, точно под даты её путешествия. На пограничном контроле, правда, её всё равно внимательно проверили.

Про сувениры

А вот тут у Марины получилась целая коллекция! Она решила не покупать что-то масштабное, а собирать маленькие символы каждого места.

В Токио — миниатюрная фигурка манэки-нэко (кошка с поднятой лапкой) из сувенирной лавки.

В Асакусе — сладкий тайяки (в форме рыбки) прямо у лотка на улице Накамисэ-дори.

На треке в горах (например, в Камикоти или на тропе к Фудзи) — камешек необычной формы или засушенный лист редкого растения.

В Хаконе — бумажный зонтик вагаса или складной веер.

Из поездки на онсэн — маленькое полотенце тэнугуи с местным орнаментом (его потом можно использовать как салфетку или бандану).

Она складывала всё в отдельный карман рюкзака или в небольшую коробочку, чтобы не перепутать. Иногда сувенир навевал воспоминание: например, камешек с горного трека напоминал о том, как она замерла от вида на долину, а веер — о прохладе у озера. В конце путешествия Марина даже

сделала небольшую выставку: разложила сувениры на столе и проследила весь свой маршрут — от мегаполиса до тихих горных троп.

Быт и красивые виды Токио

В Токио контраст между старым и новым ощущается буквально на каждом шагу. В районе Асакуса стоит храм Сэнсо-дзи — Wikidata

У храма — величественные ворота Каминаримон («Ворота грома») с огромным бумажным фонарём. Сразу за ними тянется улица Накамисэ-дори — настоящая сокровищница для туриста: тут и традиционные сладости, и сувениры, и уличная еда. Если прийти утром, будет спокойнее, а вечером тут особенно атмосферно с фонариками.

Ещё один классный вид открывается из окна поезда или с обзорных площадок у Радужного моста (Rainbow Bridge) — панорама Токийского залива и самого моста с вечерней подсветкой просто завораживает.

В быту Токио тоже интересен. В отелях часто встречаются мини-прачки на этаже или порционные саше со всем необходимым (шампунь, кондиционер, гель для душа) — не нужно везти всё с собой. А ещё тут очень развита культура вендинговых автоматов: от напитков и снеков до горячих блюд и даже одежды.

Остров Наосима

Я очень советую остров Наосима во Внутреннем Японском море. Это не просто остров, а гигантский арт-проект:

музеи, инсталляции, архитектура.

Что там стоит увидеть: Музей Чичу (Chichu Art Museum). Его спроектировал Тадао Андо — здание буквально утоплено в холм, чтобы не нарушать природу. Внутри — работы Клода Моне («Кувшинки»), инсталляции Джеймса Таррелла и других мастеров. Очень атмосферно, когда свет через потолочные окна ложится так, как задумал автор.

Benesse House Museum. Это одновременно и музей, и отель. Постояльцы получают привилегии: бесплатный вход во все музеи комплекса и доступ до 23:00, когда для обычных посетителей уже закрыто. С террас открываются шикарные виды.

Музей Ли У Хвана и другие арт-объекты, например, жёлтая тыква Яёй Кусамы в порту.

Передвигаться по острову удобно на велосипеде — пункты проката есть у причала.

Финансы

Карты. Международные Visa и Mastercard, а также «Мир» в Японии не работают. Бери с собой наличные иены — это самый надёжный вариант для мелких покупок, транспорта, вендингов. В крупных магазинах и отелях принимают бесконтактные платежи, но для этого нужна местная карта (например, Suica или Pasmo) или смартфон с NFC.

Бюджет. Ориентируйся примерно на 100—150 долларов в день на человека.

Виза

Для россиян виза в Японию нужна. Хорошая новость: консульский сбор отсутствует — виза бесплатная. Но если подаёшь документы через визовый центр (например, VFS Global в Москве или Санкт-Петербурге), придётся оплатить сервисный сбор (970 рублей).

Что понадобится:

- Загранпаспорт, действующий всю поездку.
- Анкета (на английском или японском) с фото 35×45 мм.
- Программа пребывания (таблица с датами и планами, можно добавить контакты отелей).
- Бронь авиабилетов.
- Подтверждение финансовой состоятельности (справка из банка, с работы, спонсорское письмо).

Если едешь впервые, скорее всего, дадут однократную визу (на 15 или 30 дней). Многократную (до трёх лет) чаще одобряют тем, кто уже бывал в Японии. Подавать документы советую минимум за две недели, а лучше за месяц.

При въезде проведут биометрическую проверку.

Что ещё интересного для читателя?

В Японии очень ценят тишину и уважение к другим. В общественных местах (метро, храмы) принято говорить тихо.

В некоторых заведениях (онсены, традиционные рёканы) есть строгие правила: например, перед погружением в горячую ванну нужно тщательно вымыться.

На Наосиме советую взять бесплатную карту в туристическом центре — так проще не заблудиться среди арт-объек-

тов.

Немного про еду

Рамен. Это не просто лапша, а целый мир вкусов. В основе — пикантный бульон (соевый, свиной тонкоцу, мисо или их микс), к которому добавляют пшеничную лапшу, кусочки свинины (чашу), яйцо всмятку, зелёный лук и другие топпинги.

Тонкацу. Хрустящая снаружи и сочная внутри свиная отбивная в панировке (часто используют панко — воздушные хлебные крошки). Обычно подают с рисом, мисо-супом и шинкованной капустой. Обязательно попробуйте специальный сладко-острый соус тонкацу — он идеально дополняет мясо.

Сябу-сябу. Интерактивный опыт! На столе ставят горячий бульон, а рядом — тонко нарезанное мясо (часто вагю), овощи, тофу и лапшу. Вы сами опускаете кусочки в кипяток на пару секунд (отсюда и название — звук при погружении), а затем обмакиваете в один из соусов. Отлично подходит для компании.

Такояки. Хрустящие снаружи и тягучие внутри шарики из жидкого теста с кусочком осьминога внутри. Их поливают густым соусом, майонезом и посыпают хлопьями бонито (сушёного тунца). Часто готовят прямо на глазах у покупателей на специальных плитах с углублениями.

Окономияки. Иногда его называют «японской пиццей». Это пикантная лепёшка: в тесто (часто с капустой) добавля-

ют разные начинки — мясо, морепродукты, овощи. Часто готовят прямо на встроенной в стол жарочной панели — можно участвовать в процессе. Блюдо поливают сладко-солёным соусом и посыпают стружкой тунца.

Якитори. Куриные шашлычки, обжаренные на гриле или открытом огне. Используют разные части: бедро, крылышки, печень, сердечки, даже кожу. Часто глазируют сладким соевым соусом. Идеально идут как закуска к пиву или сакэ в идзакая.

Темпура. Не конкретное блюдо, а способ: морепродукты, овощи или курицу обжаривают в лёгком, воздушном кляре. Попробуйте с креветками, кабачками или грибами. Часто подают с пикантным соусом (тэнцуйю) на основе бульона, соевого соуса и рисового вина.

Гёдза. Маленькие «пельмени» с начинкой (часто свинина с капустой и чесноком, но есть и вегетарианские варианты). Сначала обжаривают на сковороде, затем пропаривают. Подаются с соево-уксусным соусом.

Унаги-но кабаяки. Пресноводный угорь, обжаренный на углях с густым сладко-солёным соусом. Получается с карамелизированной корочкой и нежной, маслянистой мякотью внутри. Часто подают на подушке из риса.

Тайяки. Сладкая выпечка в форме рыбки (тай — символ удачи). Классические начинки — паста из красной фасоли (анко), но встречаются и заварной крем, шоколад, матча, сладкий картофель. Отличный перекус на прогулке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.